

Пролог

«Пациентка — молодая женщина, рост 186 сантиметров, вес 76 килограммов. Спортивное телосложение, содержание жира в организме минимальное. Очень сильна, по словам свидетелей, легко подняла одну из пациенток, крупную, весом под 100 килограммов и зашвырнула ее в пруд, за что была лишена прогулок на неделю. И продела-ла это все спокойно, с безмятежным выражением лица. Опять же со слов свидетелей, агрессию не проявляла, а ее действия были ответными. Бро-шенная в пруд напала на одну из пациенток и едва не нанесла ей травмы».

Мужчина лет тридцати пяти — сорока в бело-снежном халате и в очках с золотой оправой вздохнул, уставился в экран ноутбука, обдумывая напеча-танное. Усмехнулся, представив картину того, как толстуха с уголовным прошлым, истошно визжа, летит в пруд, посерьезнел, продолжил:

«Внешность пациентки европейская, пациент-ка похожа на актрису Бриджит Нильсен, и похо-жесть усиливается короткой прической очень светлых волос, явно «под Нильсен». Однако на во-прос, знает ли пациентка, что похожа на дан-

ную актрису, та ответила вопросом: «Кто это такая?» Возможно, что это свидетельство того, как пациентка пытается скрыть факт наличия в ее биографии некоторых вопросов.

Тело пациентки ухоженное, явно она заботилась о себе. Имеются следы депиляции. На левой ноге — рубцы, полученные в результате операции, и следы огнестрельных ранений. И тут наблюдается странный, необъяснимый факт: за время нахождения пациентки в психиатрической лечебнице ее рубцы стали выглядеть более старыми, чем при поступлении, и пациентка практически перестала прихрамывать. Также у нее ни разу не наблюдались приступы эпилепсии, хотя в лечебницу пациентка поступила сразу же после такового приступа.

В течение всего того времени, что пациентка находится в лечебнице (а это около месяца), ей ежедневно выдавались ноотропные препараты, что никак не повлияло на ее память. Она по-прежнему не помнит своего имени, местожительства и обстоятельств, предшествующих попаданию в лечебницу.

1. Пациентка не знает, в каком году, в каком месте она находится. Но при этом осознает, что это психиатрическая лечебница, а я ее лечащий врач. Ни под одно определение психического состояния она не подпадает.

2. Полностью контактна, доброжелательно настроена к собеседнику, не проявляет агрессии.

3. Очень опрятна, даже щеголевата. Больничный халат носит так, будто это дорогое вечернее платье.

4. Речь спокойная, при этом пациентка употребляет слова, присущие образованным людям, не допуская мусорных слов и междометий. Абсолютно литературная речь. Мыслит четко, логично, при этом понимает, что больна, и не отрицает необходимости лечения. Относится к себе критично и в разговоре с врачом неоднократно говорила, что в ее голове произошел какой-то сбой, и она будет очень благодарна, если врачи найдут причину потери памяти и восстановят потерянную информацию. И при этом не поддается гипнозу, даже под действием специальных препаратов».

Врач помотал головой, задумался — надо ли об этом писать? Он вообще не был сторонником теорий заговоров и не верил в агентов и шпионов, заполонивших страну. Блок сознания, не позволяющий загипнотизировать субъекта — это только для тупых романов о Джеймсе Бонде. И красотка, найденная в провинциальном городе, в самом обычном райотделе полиции, совсем не походила на Мату Хари и Бонда, вместе взятых. Ну.. почти не походила. Откуда им тут взяться?! И зачем они, такие люди, появятся в этой дыре?! Здесь никогда и ничего не случается... кроме растраты денег, выделенных на ремонт дорог. Но это уже вопросы к губернатору.

Не стал писать ни про какие ментальные блоки. Чушь это все. Просто есть люди, восприимчивые к гипнозу, а есть те, кого гипноз не берет. Даже под специальными препаратами. И нечего огород городить. Применяй «бритву Оккама», и все будет хорошо. И снова защелкал клавишами ноутбука:

5. Предложенные ей для рассмотрения пословицы и поговорки расшифровала абсолютно точно, без каких-либо отклонений от нормы. Тест с пятнами Роршаха прошла стандартно, никаких отклонений от среднего уровня.

6. Настроение пациентки выяснить не удалось, так как она всегда находится в средне-доброжелательном настроении, и вывести ее из равновесия не представляется возможным. Она ни на что не обижается, всем довольна и благодарна. Что тоже является признаком психического расстройства, так как человек не может быть всегда и всем доволен. Даже после того, как ее лишили прогулок, она не высказала ни слова недовольства, а когда я спросил ее — почему, пациентка пояснила, что есть определенный распорядок дня и правила поведения пациентов и что она не должна была бросать хулиганку в пруд, а нужно было донести информацию до администрации клиники. Однако ей доставило большое удовольствие поставить хамку на место, и потому она не жалеет о нарушении.

7. На вопрос: «О чем вы больше всего думаете?» — ответила, что думает о том, как будет жить после выхода из лечебницы, если ее память не смогут разбудить. Ведь у нее нет документов, она не знает, как и чем будет зарабатывать на жизнь.

На вопрос: «Что вас больше всего в жизни занимает?» — ответила то же самое: социализация в обществе, нахождение в нем своего места в связи с потерей памяти.

После серии других вопросов выяснилось, что кроме главной темы — потеря памяти и нахождение своего места в обществе — пациентку вообще ничего не занимает. Она хорошо ест, адекватно себя ведет, доброжелательна и ровна с персоналом и пациентами. Ее они уважают, а после случая с брошенной в пруд уголовницей еще и боятся. Пациентка ни с кем не сходится близко, за исключением пациентки Кудасовой Елены, из-за которой и вышел вышеописанный конфликт (брошенная в пруд пациентка на нее и напала). Инициатором сближения была Кудасова, которая теперь не отходит от рассматриваемой пациентки, пытаясь вовлечь ее в разговоры. Я не препятствовал этому сближению, надеясь, что в общении с Кудасовой могут всплыть какие-то факты из памяти пациентки. Эта методика принесла некоторые плоды: пациентка якобы припомнила, что зовут ее Анастасия, и фамилия ее предположительно Соломина. Мы приняли это к сведению, и в дальнейшем она проходит по документам как Анастасия Петровна Соломина. Отчество Соломина не помнит, но предположила, что оно могло быть таким, как записано. Сказала, что так ей кажется.

Оперативная память у пациентки развита в высшей степени. Она легко запоминает цифры и группы цифр, превышая средний уровень развития оперативной памяти других людей в несколько раз. Долговременная память, наоборот, имеет огромные лакуны. Вся жизнь «Соломиной» до того, как она пришла в себя в психиатрической лечебнице — будто вырезана ножницами.

Интеллектуальные тесты прошла блестяще, без единой ошибки. Была при этом спокойна и доброжелательна. Я предложил ей сыграть в шахматы, Соломина не отказалась, и я проиграл ей за несколько ходов. Трижды подряд. Она очень умна.

Но при этом не умеет пользоваться простыми вещами, такими как мобильный телефон. Когда я предложил ей определить, что за аппарат в моей руке — она этого сделать не смогла. Как если бы никогда не видела ни одного смартфона.

Ее знания о мире ограничены — она ничего не знает о политической ситуации, не знает о государствах, существующих на Земле. Не слышала о пандемии, с которой борется весь мир. Но при этом много читала — классику, художественную литературу. Пишет без ошибок, красивым отработанным почерком.

Поставить окончательный диагноз не представляется возможным, но первичный диагноз — частичная амнезия в результате травмы головы. Собственно, ни о какой травме пациентка не помнит, но скорее всего травма была, и результатом ее явились эпилептический припадок и амнезия».

Выдохнув, врач отодвинул ноутбук, снял очки и потер глаза. Он устал. Работы много, да еще этот чертов карантин! Вчера выявили двух «ковидников», так что теперь лечебницу закрыли, объявили красную зону, и... в общем — начались проблемы. С другой стороны, будет меньше работы — теперь госпитализируют только буйных больных, а те, кто может потерпеть без больничного режима, оста-

нутся дома. А тех, кого можно выпустить, — после взятия теста и отрицательного результата отправят по домам. В каждом свинстве есть свой кусочек бекона, как говорят англичане.

Он прошел к столику, на котором стоял термос с кипятком, навел себе чашку кофе и уселся обратно, предварительно найдя в столе початую пачку печений. Ужасно хотелось спать, но дел еще было невпроворот.

Выпив кофе, он не почувствовал облегчения — спать хотел по-прежнему, и после пары печений он не заглушил голод, а есть захотелось еще сильнее. Потому врач все-таки захлопнул ноутбук и решил перенести дела на завтра. А может быть, поработать вечером, дома. С тем и отбыл из клиники, предварительно осведомившись у дежурного врача — все ли в порядке в отделении, начальником которого он и являлся. Никаких беспорядков выявлено не было, пациентки мирно сидели по своим палатам, не откусывая соседу ухо и не выкалывая глаза, так что можно было с чистой совестью отдыхать.

«Тойота-Королла» завелась с тихом шелестом и унесла врача к домашнему очагу, то бишь в трехкомнатную квартиру на улице Шелковичной.

Глава 1

— Эй, ты... слышь, чувырла! Иди сюда! Сюда, я сказала!

Настя повернула голову и без интереса посмотрела туда, откуда раздавался женский голос с эдакой наглой хрипотцой, присущей уголовным элементам. «Приблатненный» голос. Кому это она так? Неужто ей, Насте? Это было бы интересно...

Настю никто не трогал, никто не цеплял, хотя здесь кого только не было. Контингент, содержащийся в психбольнице, был очень даже разнообразным — от тихих «зомби», бродящих с направленным в пространство невидящим взглядом, до уголовниц, которых прислали сюда по решению суда для освидетельствования на предмет способности этих «клиенток» осознавать общественную опасность своих деяний. Например — была ли эта бой-баба в разуме, когда в магазине подрезала мужика, сделавшего ей замечание за то, что она громко выражалась нецензурной бранью, не обращая внимания на людей вокруг. Мужику это стоило жизни. Пьяная тварь воткнула ему нож в спину.

Настя краем уха слышала эту историю и видела бабищу — лет двадцати пяти возрастом, кряжи-

стую и сильную, как мужик. Она весила под сто килограммов, и объем ее бицепсов сделал бы честь какому-нибудь из бодибилдеров.

Настя прислушивалась ко всему, что происходило вокруг, впитывая информацию, как песок пустыни редкие капли утренней росы. Ей нужно социализироваться в этом мире, в мире, отстоящем от ее времени на пятьдесят лет, так что никакая информация точно не повредит.

Сейчас бабища докопалась до девчонки, поступившей в отделение пять дней назад. Довольно-таки красивая девчонка, только излишне надменная и нагловатая. Иногда нужно и помолчать, а она огрызается на слова санитаров, хамит врачам, а пациентов вообще ни в грош не ставит. Но вот что интересно: несмотря на то что поведение ее совершенно вызывающе — и врач, и санитары терпят все ее выходки, стараются уговорить и вообще ведут себя по отношению к ней удивительно лояльно. Да и спит она в отдельной палате, в которой есть даже телевизор! И это притом что для остальных пациентов телевизор только в общем холле и включают его не каждый день. Поведи себя так какая-нибудь другая пациентка женского отделения — неминуемо получила бы в лоб текстолитовой дубинкой. Настя видела, как это происходит — возбужнула одна буйная мадам, бросившись на санитаря с расставленными в стороны пальцами-когтями, и тут же получила в лоб дубинкой, после чего нормально потеряла сознание и завалилась на пол. Ну а потом загремела в изолятор, где ей (как говорят соратницы вокруг Насти) тут же вкатили порцию «серы»,

то бишь сульфазина, от которого человека изнутри будто сжигает огнем. И это в высшей степени неприятно, особенно когда ты привязана к медицинской кушетке.

В психиатрической лечебнице быстро ставят на место всех, кто возбуждает не по делу. Впрочем — и по делу тоже. Тут главное — отсидеть свой срок и выйти на свободу не битой, в нормальном здоровом состоянии. А для этого — соблюдай дисциплину, не устраивай истерик, не набрасывайся на санитаров и пациентов, в общем — будь нормальным человеком, а не... пациентом психлечебницы.

— Убери руки, сука! Убери! — Настя поморщилась, но смотреть в ту сторону не стала. Не ее дело. Пусть разбираются, как хотят. Ей главное — пережить некий период и, в конце концов, получить заветный паспорт. А с паспортом она уж как-нибудь да найдет себе работу. А пока снимет комнату — деньги у нее прикопаны в тайнике.

Ничего, устроится! До следующего июня дотянет, а там уже назад, в прошлое. В свой мир. Найдет здесь Зину, если она еще жива, узнает, как ее состояние, найдет жену Карпова, посмотрит, что с ней стало, — вот функция Насти в этом мире, в общем-то, и завершилась. Фактически она ведь была сопровождающей и телохранительницей Зинаиды, умирающей в последней стадии рака. И ее сына, сына Карпова. А больше в этом мире ее ничего не держит.

Запрос в милицию из психбольницы уже сделали — и он ничего не дал. Не нашли Настю. Так

что выпишут новый паспорт, и пойдет она по миру, «солнцем палимая, чистая, аки горлица».

ФСБ — как сейчас называется КГБ, — само собой, на запрос ментов не ответит. Во-первых, менты и не будут делать никакого запроса в ФСБ — с какой стати? Кто она такая, чтобы ради нее лезли к «соседям» с запросами?

Во-вторых, информация о Насте засекречена, как и о любом штатном сотруднике КГБ, и никто никакой информации ментам не даст. Тем более что Настя проходила по ведомству внешней разведки как самая что ни на есть настоящая разведчица-нелегалка. А это еще более засекреченная информация.

Кстати сказать, где-то ведь есть «настоящая» Настя Соломина, которой сейчас около восьмидесяти лет. Может, даже еще и жива. Интересно было бы с ней встретиться... поговорить — как у той сложилась жизнь. Как оно... без Карпова? Хмм... да, вот было бы интересно встретить своего двойника.

— Отвали, сука! — Хлесткий удар, Настя повернула голову и заметила, как черненькая девчонка валится от могучего удара, нанесенного уголовной бабищей. Та довольно лыбится, а потом с размаху бьет черненькую в бок. Черненькая отлетает, как футбольный мяч, стонет, но подхватывает с земли ком земли и швыряет в бабищу. Попадает в глаз, бабища взрывается, хватается за глазницу, прочищая веки, и, бросившись к сопернице, начинает ее избивать — зверски, пиная, как футболист несчастный мяч, норовя попасть в голову и в живот.

Настя одним легким движением поднимается на ноги, в несколько широких шагов подходит к месту действия и, схватив бабушку за руку, отшвыривает ее прочь от жертвы.

— Отвали! Охренела, что ли?! Крыша едет?! Так таблеточки попей, ненормальная!

И тут же себя ругает — нельзя в психушке говорить пациентке, что она ненормальная. Это одно из самых страшных оскорблений. Тут все — по ошибке, всех засунули сюда «менты поганые», «урод-судья», «врачи-вредители» и «мрази-родня». А они совершенно здоровы и все понимают лучше, чем эти мерзкие придурки!

— Вставай! — Настя протягивает руку девчонке. — Не сильно она тебя? Как нарочно — вокруг ни одного санитаря! То бродят толпами, то ни одного!

— Специально, — сквозь зубы шипит девчонка. — Проучить решили. Один гад все клинья подбивал, мол, найду к тебе после отбоя, а я его на хрен послала. Вот и решил эту мразь Любку подослать. Осторожно!

Предупреждение запоздало, но Настя успела повернуться, и удар ногой пришелся ей не в спину, а в сильное, мускулистое бедро. Но все равно было больно, и Настя едва не упала. Пиналась эта гадина очень даже умело, как мужик, пиналась!

И тут же Насте прилетел кулак, от которого она успела увернуться, поднырнув под чисто боксерский удар.

Выдохнув, Настя перехватила руку Любки левой рукой, правой цапнула ее между ног, легко, будто та ничего не весила, — подняла на вытянутые руки и,

чуть разогнавшись, будто копьеметательница запустила Любку в старинный пруд, вокруг которого, собственно, и гуляли пациенты. Пруд был очень старым, еще дореволюционным, от него пахло тиной, и в нем прыгали мириады рачков-дафний, которыми аквариумисты кормят рыбок. Любка вошла в воду с грохотом и брызгами, как выброшенная из торпедного аппарата катера торпеда, и сразу же скрылась под водой.

Настя поморщилась — не дай бог утонет! Тогда ей просто будет нагоняй и изолятор, а со смертью этой гадины все осложнится. Точно продержат в больнице полгода, а то и больше — чтобы убедиться, что Настя больше не представляет опасности для окружающих. И еще — будут пичкать всевозможными мерзкими препаратами, от которых человек медленно, но верно превращается в овощ.

Но все обошлось — дерьмо не тонет. Любка вынырнула и с шумом, как самый настоящий гиппопотам, выбралась на берег. Настя уже приготовилась снова дать отпор, но Любка пошла в больницу, оставляя за собой мокрую дорожку болотной воды.

— Щас нажалуется, и тебя засадят в изолятор, — сплюнула кровью девчонка и тут же без перехода сказала: — Меня зовут Лена. А тебя?

— Я Настя, — подумав секунду, ответила Соломина. Нужно было социализироваться, а как это лучше сделать, кроме как чаще общаясь с хроноаборигенами?

— Вон, уже бегут, мрази! — снова сплюнула Лена, глядя на приближающихся к ним двух санитаров, и торопливо добавила: — Увидимся. Подрожимся. И это... спасибо!

* * *

Выйдя из изолятора через неделю, Настя с удивлением узнала, что ее перевели из душной общей палаты, в которой лежали десять человек, в палату Лены, где в комнате на четверых или даже шестерых пациентов «ютилась» только одна, привилегированная пациентка. Там уже стояла вторая кровать — широкая, новая, длинная — как раз под стать Насте, а еще было очень прохладно, ибо работал встроенный в окно кондиционер — роскошь, просто невозможная для палаты психлечебницы. В общей палате даже окна нельзя было открыть, потому в ней всегда стояли удушливая жара и вонь. Вонь от немых тел, вонь мочи — некоторые пациентки мочились под себя, сортирная вонь — унитаз плохо смывал, а еще — некоторые просто не успевали до него добежать...

Настя некогда прошла такую подготовку, что эти запахи и такие трудности для нее были плевым делом, но... лето, жара, пот течет... а тут еще смердит, как в общественном сортире, и деться тебе отсюда некуда. И возмущаться нельзя — тут же запишут в историю болезни, представят агрессивной сумасшедшей, которая всем недовольна и склонна ко всему, чему угодно. Нет уж, лучше потерпеть и не выступать.

У Лены же — чистота, порядок, телевизор, кондиционер, холодильник, и даже окно открывается! Даром что на нем толстенная решетка, которую выдергивать только грузовиком. А еще в «номере» — иначе его никак не назвать — душ и туалет!

— Привет, подруга! — весело встретила ее Лена. — Как ты? Откинулась с кичи? Есть хочешь? Тут мне родаки прислали всякой жратвы, давай налегай!

— Но... это тебе прислали, — попробовала сопротивляться Настя. — Неудобно.

— Неудобно стринги через голову надевать! — отрезала Лена. — Жри давай, знаю, что хочешь. Щас я чаю с лимоном наведу.

— Я в душ схожу, ладно? — сдалась Настя. — В изоляторе — как в парной. Сто потов сошло.

— Давай, давай... а то несет, как от козла! Вернее — козлихи! — недипломатично заметила Лена и захихикала: — Да ладно, чо ты, подруга... не обижайся. Я шучу. Мойся скорее и вылезай, пожрем вместе. Поболтаем. Мне одной так скучно!

Настя с наслаждением вымылась, воспользовавшись душистым мылом и шампунем своей новой «подруги», потом с ее разрешения вытерлась насухо махровым полотенцем и, с отвращением натянув на себя пропотевший пижамный халатик, наконец-то вышла из душа.

— Я щас скажу им, чтобы чистое тебе дали, — хмыкнула Лена, осмотрев Настю с ног до головы. — А то чистая и надела такое уежище! И воняет. Я бы тебе мое барахло дала, не жалко, но размерчик не тот. Ты вон какая... большая! Щас!

Лена достала мобильный телефон (Настя так и не привыкла к такому виду связи, а ведь Карпов о нем рассказывал! Все равно — фантастика!), куда-то позвонила, и через десять минут в дверь (со стуком!) вошла медсестра и положила на кро-

вать Насти стопку, в которой были пижамный халат, полотенце и застиранные пижамные штаны — видимо, вместо трусов.

Настя тут же сбросила грязный халат, натянула на себя штаны, сверху халат и теперь уже на самом деле почувствовала себя чистой и здоровой. И очень голодной. В изоляторе кормили не очень-то сытно. Впрочем — как и в обычной палате. Как и всегда, больничные повара удивительным образом умели превратить вполне приличные продукты в неудобоваримую массу, годную только для свиней. Это было во все времена, но в советское время хотя бы боялись творить такое безобразие. Теперь — «не боятся ничего, даже бога самого». Воруют..

— Садись! — Лена уже разложила на столе всяческие яства, и, что поразило Настю — лежал самый что ни на есть обычный стальной нож. В психушке! Стальной нож! Что за хрень?!

— Ешь, не стесняйся! — сказала Лена и, проследив направление взгляда Насти, хихикнула: — Удивляешься? Да, мне можно многое, чего нельзя другим. Папаня богатый, профинансировал так, что они все на цырлах передо мной бегают. Да ты ешь, ешь! И пей! Вот кофе давай пей. Или ты чай любишь? В общем — что хочешь, то и пей-ешь.

Она замолчала, посмотрела, как Настя взяла кусочек копченой колбасы и положила его на кусок белого хлеба, улыбнулась:

— А я почти хлеба и не ем. Толстею! И в спортзал хожу, тренируюсь... вернее — ходила! А все равно — чуть что мучное съем, и сразу килограмм плюс! Не хочу быть толстухой! Ненавижу толстух!

— А что так? — улыбнулась Настя, с удовольствием пережевывая упругое мясо. — Что тебе толстухи сделали?

— А они как пугало! — тоже улыбнулась Лена. — Вот, мол, смотри, ты тоже такая будешь! А я не хочу быть такой! Я хочу оставаться вечно молодой, вечно стройной! А еще — мне не нравится мой рост. Чего я такая маленькая?! Почему мне не быть такой высокой... как ты, к примеру?! Обожаю высоких людей. И женщин, и мужчин!

— Хмм... — Настя подняла брови. — Сразу и мужчин, и женщин?

— Ну а чего такого? Женщины — нежные, с ними в постели хорошо. Мужчины — сильные, как схватит, как насадит! Ооо! Обожаю!

— Я это... как-то не очень по женскому-то полу. Вернее — никак! — осторожно сообщила Настя и приготовилась к тому, что ее сейчас попрут из палаты. Похоже, что девчонка взяла ее в качестве постельной игрушки. И Настю это ну никак не прельщало. Нет, она могла ради дела притвориться лесбиянкой — ради выполнения задания можно и нужно сделать все возможное, но чтобы здесь? Вот так? Нет уж... обойдется она без такой страсти.

— Да я тебя и не принуждаю, глупенькая! — хихикнула Лена. — Хотя и не отказалась бы покувыркаться с такой красоткой. Просто мне скучно. А ты такая красивая, такая гордая... не такая, как все эти ублюдки! И сильная! Вон как ты Любку швырнула! Любка теперь на меня и не смотрит, боится.

— Ты вообще... как здесь оказалась-то? — осторожно спросила Настя, отпивая из кружки. Кофе

был настоящим, молотым, что она тут же с удовольствием отметила. Хотя была не против и растворимого. Не до жиру, так сказать.

— Как оказалась? — Лена хихикнула. — А подписала одного козла горлышком бутылки! Из-под виски. Толстое такое горлышко, острое! Приставал ко мне, а я не в духе была. Немного подпитая. Я так-то не против, когда пристають, — на то они и мужики, чтобы приставать, но так нагло! Грязными руками хватать за киску! Козел душной! Я раз сказала, два сказала, три сказала... Он уже и колготки порвал, ну я и врезала бутылкой по столу, а потом его исполосовала. Кровищи было! Ооо... это песня! Потом охранники меня хотели повязать. Им тоже досталось. А когда менты приехали, я одного мента порезала, другому яйца отбила. Скандал был! Папенька подсуетился и засунул меня сюда — ну типа я не в себе была, попытка изнасилования, я в расстройстве, помутнение сознания и все такое. Ну, чтобы со статьи соскочить. Только вот... не знаю, как прокатит. Раньше у меня тоже были случаи. Уж больно я не люблю, когда на меня наезжают. У меня и правда тогда крыша едет и всех хочу прикончить.

Она вздохнула, пожала плечами:

— Уж больно в колонию не хочется. И будут там такие вот, как Любка, пытаться надо мной измываться! Я там кого-нибудь порешу и сяду еще глубже. Понимаешь, да?

— Понимаю... — медленно кивнула Настя, воображая, как ей использовать ситуацию в свою пользу. У нее появилась одна мыслишка — как отсюда выйти побыстрее и поинтереснее.

— Ну и вот... — продолжила Лена, — мне тут пару недель отсидеться, сделают заключение, что я была невменяема в момент совершения. Назначат лечение, папенька забашляет доктора, и все закончится нормально.

Она помрачнела, закусила губу:

— Только вот с одним делом может быть проблема. Первый, кого я порезала, — нерусский. Армян из местной диаспоры. Грозятся меня типа отловить и наказать. Папенька, конечно, телков ко мне приставит, но где гарантия, что это поможет? Кстати, похоже, что с Любкой — их работа. Я думала, это местный расстарался, но это не он сам. Вернее, так: местный, но через него они меня хотели достать. Любка собиралась покалечить меня. Если бы не ты... Теперь какой-то другой пакости ждать, от кого — не знаю.

И тут же, без перехода, добавила:

— Поможешь мне?

— Как? — безмятежно спросила Настя.

— Прикроешь, если что? Ты сильная, вон как Любку киданула, и я тебе верю. Будешь моим телком?

— Кем?

— Ну... телком! Телохранителем!

— Тогда уж телкой, — хмыкнула Настя, и Лена захихикала:

— Точно, телкой! Только ты на телку не похожа. Телки... они такие... ну... телки! А ты... опасная! Я видела, как тебя обходят стороной, боятся. А ты при этом ни на кого не нападала, никого не трогала. Кстати, а как ты сюда попала? Расскажешь? Я слышала, что у тебя памяти нет. Это как так?

— Ну... вот так, — пожала плечами Настя. — Очнулась тут. Документов нет, ничего нет. Ничего не помню. Имя тоже не помню — имя уже здесь выбрали. Говорят — пришла в отдел милиции и упала в припадке. Ну и... все. Что-то помню, а что-то не помню.

— Здорово! — восхитились Лена. — Может, ты шпионка?

— Здесь? В этом городе? — усмехнулась Настя. — Чего тут шпионить? Да и негожа я для шпионки, рожей не вышла!

— Не скажи, не скажи... — задумчиво прищурила глаза Лена. — Меня не обманешь! Если тебя как следует приодеть, накрасить... да ты вылитая Бриджит Нильсен, точно!

— Замучили меня этой Нильсен! — фыркнула Настя. — Не знаю я никакой Нильсен!

— Я щас тебе покажу! — всполошилась Лена. — Идем сюда! Идем, идем!

Она подвела Настю к большому ноутбуку, быстро набрала запрос в поисковике, и на экран выплыли десятки фотографий. Настя взгляделась, недоверчиво помотала головой:

— Это она и есть, Нильсен?

Лена с удивлением посмотрела на Настю:

— Неужели и правда никогда ее не видела?

— Не видела, — пожала плечами Настя и улыбнулась. — И о том как-то не переживаю. Зачем мне какая-то актриса?

— Правда, и зачем она тебе... — с непонятной интонацией добавила Лена и тут же спросила: — Тебе сколько лет? Ах да... забыла, ты же не помнишь. На вид тебе лет двадцать... Мне тоже двадцать. Папенька

меня все замуж хочет спровадить, но я отбиваюсь. Подсовывает каких-то ушлепков, зато из хороших семей! Нефтяники! Газовики! Ну, так что, будешь моей... хмм... телохранительницей? Будем с тобой по клубам ходить, ты меня защищать станешь.

— Ты будешь бутылкой резать, а я получать в башку? — усмехнулась Настя.

— Ну, типа — да! — хохотнула Лена и тут же посерьезнела: — Поверь, это был особый случай. Обычно я до такого не довожу. Но тут... Ладно, сколько ты тут, в больничке, проторчишь?

— А я знаю?! — искренне удивилась Настя. — Мне нужно паспорт получить. Больница должна мне справку выдать, что я не опасна окружающим, и справку о том, что у меня нет документов и все такое. На основании этого мне выдадут паспорт, ну и я... свободна жить под мостом. Бомжевать.

— Под мостом? — удивилась Лена и тут же фыркнула: — Ах да... забыла. Да не будешь ты жить под мостом. У меня будешь жить. Охранять меня станешь! Зарплату тебе сделаем, оденем, обуем. А на счет паспорта — я щас папеньке напишу, расскажу все, как есть — он пальцами щелкнет, так менты сами тебе паспорт принесут. Выйдешь вместе со мной. Кстати, размер у тебя какой? Не знаешь? Замеряем! Щас попрошу, чтобы рулетку принесли, вычислим твои размеры. Оденем как следует. Ну как, согласна меня защищать?

— А папенька согласится? — Настя посмотрела в глаза Лены, а та ей весело подмигнула:

— Да куда он денется? Одна я у него. Мама умерла... а я копия мамина. Папа ее очень любил. Рак пе-

чени. Ничего не спасло. Папенька заново женился, на телке чуть старше меня, и теперь у него комплекс вины — типа предал маму. Мужики такие... смешные! Мамы нет, так что же ему, засыхать? Ему лет-то еще всего ничего. Крепкий мужик, в силе. Но я ему об этом не говорю — пусть себе думает, что виноват. Больше мне любви достанется! Ха-ха...

— Мать любила?

— Любила... — Лена помрачнела. — Как можно не любить мать? Я и сейчас люблю. Одна она меня понимала. Такая же, как я, была... шустрая, чуть что — в драку! Они с папенькой на Севере познакомились, когда он еще молодым инженером-нефтяником был. Потом сюда переехали. И вот... Ладно, не будем о грустном. Сейчас я письмо буду папеньке писать. Кстати — и зафоткаем тебя. Пусть попробует найти, кто ты такая. Уж у папеньки-то возможностей больше, чем у каких-то там ментов (у Насти в груди вдруг почему-то похолодело). Ну и закажем тебе барахла — не все же в этом тряпье ходить! Только щас вот замеряем... позвонить надо вначале этим чертовым халдеям.

—хлопот полный рот... — проворчала Настя, пожимая плечами, а Лена хихикнула:

— Хех! Насть, да тут все равно нечего делать! Так хоть какое-то развлечение. И время быстрее идет. Так что не парься, все будет нормалек! Кстати — телефон тебе надо купить. Чтобы всегда была на связи. Какой-нибудь «Самсунг» штук за пятьдесят. И скромно, и со вкусом.

Настя снова подумала про себя, что никак не может привыкнуть к здешним цифрам. Пятьдесят ты-

сяч! Черт подери, да за пятьдесят тысяч в 1972 году можно... можно черт знает что купить! Десять «Жигулей»! Если позволят, конечно. Одну машину-то хрен купишь... только в «Березке», как Карпов.

Хмм... а правда — что можно купить за пятьдесят тысяч? Дом можно. Хороший дом со всеми удобствами. Машину на базаре — за двойную цену. «Волгу», например. За двадцать тысяч. Кооперативную квартиру построить — если профком позволит. Одеться на базаре — в шмотки, которые здесь считаются рабочей одеждой. Мда... за джинсы, что здесь стоят тысячу рублей, на толкучке семидесятих отдала бы 250, а то и триста. А Карпов говорил, что как-то подсчитывал — согласно покупательной способности деньги 70-х к нынешним рублям — 1 к 230. То есть, если разделить тысячу рублей на 230, получится... чуть больше четырех рублей?! Вот черт...

— Ты меня слушаешь? — ворвался в мозг голос Лены. — Уснула, что ли? Ты с ноутбуком умеешь управляться?

Настя медленно помотала головой и подошла к столику, где лежал ноутбук. Ей еще многому надо научиться, чтобы не выглядеть белой вороной...

* * *

— Айда за мной! — Лена рванула дверь здорового джипа и прыгнула на заднее сиденье. — Она со мной!

Здоровенный быковатый парень в костюме у передней дверцы с сомнением посмотрел на На-

стю, пожал плечами и уселся рядом с водителем. Он ничего не сказал, но было видно, что ему все причуды этой молодой оторвы надоели так же, как июльская жара, по которой ходить затянутым в галстук было просто мучением. Но что поделаешь? Считай — пиджак, белая рубашка, галстук — это форма, в которой должен ходить уважающий себя телохранитель. На взгляд Насти — выглядело это просто глупо. В пиджаке труднее работать, он сковывает движения. Можно было бы найти одежду и посвободнее, и не менее приличную, чем костюм. Для лета, к примеру. Но статус! Чего уж там...

Огромный автомобиль, который, как Настя уже знала, здесь называется «джипом», выскочил из ворот, едва не задев крышей поднимающийся шлагбаум, и попылил по трещиноватому асфальту вниз по дороге, скатываясь с Алтынки, так тут в просторечии называли Алтынную гору, а также психиатрическую больницу, которая на ней находилась. Сказать «попасть на Алтынку» здесь означало примерно то же самое, как попасть на «Канатчикову дачу», то есть — повязали волки позорные и отправили в психушку.

Забавно: Карпов, когда попал в мир Насти, в 1970 год, тоже оказался на Алтынке, в психушке. А где еще может оказаться голый человек, который бродит по шоссе и не помнит своего имени? Скорее всего и Настя оказалась бы в психушке сразу после того, как появилась в этом мире, если бы не «счастливая» случайность — ее подобрали и попытались «обогреть» несколько отморозков. Поплатившихся за то своей жизнью и оставивших ей

в наследство кругленькую сумму денег. И это было очень любезно с их стороны — вдруг на жизненном пути Насте не оказалось бы Лены, решившей, что Настя ей совершенно необходима и жить без нее она не может? Как бы она тогда жила, не имея ни гроша в кармане? Пришлось бы совершать преступления, грабить прохожих — а это Насте совершенно не по душе.

Теперь же у нее в сумочке лежит новенький паспорт (без прописки, ну и что?), и ее везут туда, где она некоторое время будет жить — в дом отца Лены. Правда, тут еще вилами на воде писано — папаша Лены с документами и выпиской, конечно, помог и денег дал на то, чтобы одеть ее «телохранительницу» как следует, но вот насчет работы он выразился как-то... прохладно. Мол, об этом еще поговорим. Игрушку для дочери он содержать готов, но полагаться на нее как на настоящего телохранителя явно не собирался. И Настя его прекрасно понимала.

Ехать пришлось около часа — в город не въезжали, джип сразу же повернул направо, по длинному подъему выскочил за город и помчался по объездной дороге, чтобы не влипнуть в пробки (так сказала Лена, которая весело болтала, глядя то в окно, то на Настю). Джип ровно урчал, вспарывая пространство, в салоне было прохладно и пахло кожей, а еще чем-то таким неуловимым, что при-суще только хорошим, дорогим вещам.

«Запах богатства!» — подумала Настя и усмехнулась. Рядом с Карповым она, можно сказать, привыкла жить богато. Но... Карпов никогда этим са-

мым богатством не кичился и вообще относился к деньгам легко, считая их больше инструментом воздействия на жизнь и на людей, чем каким-то фетишем, ради которого надо рисковать жизнью и даже убивать.

Не сказать, чтобы дом здешнего олигарха отличался таким уж эпическим обликом — дом, как дом. Зимняя оранжерея, сад, за которым ухаживал нерусский садовник (то ли узбек, то ли таджик). Когда машина въехала во двор, он как раз что-то то ли сажал, то ли пересаживал в клумбе возле забора, а рядом на траве из шланга текла вода.

Чуть поодаль бассейн, тоже не особо великого размера, тренировать в нем команду олимпийского резерва было бы проблематично — максимум метров десять длиной или чуть побольше. Зато извилистый, буквой «S». На площадке возле бассейна — шезлонги, столик. Все, как положено.

Пахло мокрой травой, землей, цветами и.. Насте показалось, что еще пахнет рекой — тиной и свежестью речного простора. Волга-то всего метрах в пятидесяти от забора, и до нее сделан ровный пологий спуск. Видимо, для того, чтобы спускать и вытаскивать здоровенный белый катер, который стоял возле ворот, открывающихся к реке, и был накрыт водонепроницаемым чехлом. Солидный катер. Настя не могла представить его стоимость в нынешних деньгах, но, прикинув, решила, что стоит он не меньше ста тысяч долларов. Неплохо живет эта простая российская семья. Не бедствует, это точно.

Дома прохладно, как и в машине. Не было такой душающей июльской жары, как снаружи. Впро-

чем — после больничной атмосферы Насте ужасно хотелось побыть на солнце, прожариться как следует, а потом и нырнуть в этот самый бассейн, разбрызгивая капли прозрачной голубоватой воды. Так захотелось, что даже мурашки по коже!

Хозяин поместья был дома. Когда Лена с Настей вошли в гостиную, он сидел на диване и смотрел новости на невероятно огромном и почему-то вогнутом экране телевизора с четким, сочным и ярким изображением. Настя на пару секунд даже загляделась — настолько телевизор был особенным. В ее времени о таких и близко не мечтали. Максимум — черно-белый с относительно небольшим экраном. Да и качество передач оставляло желать лучшего. А тут... картинка как с экрана ноутбука, с которым Настя уже научилась довольно-таки сносно управляться (спасибо Лене).

Мужчина лет около пятидесяти, немного отяжелевший, крепкий, он припадал на левую ногу, и Лена рассказывала, что ее отец на Севере обморозил ногу на работе, потому и хромает. Из-за чего, кстати, Настя его даже зауважала — не кабинетный сиделец, а настоящий практик. «Севера» прошел! Судя по словам Лены, отец вырвался наверх из-за своего ясного ума и невероятной работоспособности. Чему Настя, честно сказать, слегка посмеялась, не выдавая своего веселья Лене. Умных и трудолюбивых в мире пруд пруди, но многие ли из них достигли уровня олигарха? Значит, или его кто-то поднимал, пропихивал, или же это результат удачи, как выигрыш в лотерею. Повезло человеку, да и все тут. Бывает. Редко, но бывает. Выигрывают же